

Секция «Актуальные вопросы современного международного права»

Соотношение модели постоянного органа международной юстиции и трибуналов *ad hoc*, критерии их эффективности

Бикбаев Руслан Растямович

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,

Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: ruslan.bikbaiev.dn@bk.ru

Перед мировым сообществом не раз вставал вопрос о создании международного суда в целях преследования преступников, совершивших самые тяжкие преступления, такие как преступления против мира и безопасности, человечества, геноцид и иные. В данной работе будет проведено сравнение двух форм международного суда: суда *ad hoc* на примере Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников стран оси (далее - МВТ) и Международного трибунала по бывшей Югославии (далее - МТБЮ) как органов *ad hoc* и постоянного суда на примере Международного уголовного суда (далее - МУС).

Во-первых, рассмотрим независимость и политическую непредвзятость судов. Суды *ad hoc* - это суды победителей, что непосредственно сказывается на их объективности. Так в случае с процессами после Второй Мировой войны, никто не понес ответственность в связи со сбросом ядерных бомб на территорию Японии, что является военным преступлением и противоречит Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. Статистика МТБЮ не менее отрицательная: в первой инстанции 48 из 67 обвинительных приговоров были вынесены в отношении сербов, и только 3 из 19 оправдательных приговоров - в отношении последних[2]. Виталий Чуркин, представитель России в СБ ООН в 2012, отметил, что данное положение дел «дискредитирует идею международного правосудия»[3].

Однако и постоянный суд не может отличаться независимостью и беспристрастностью в силу особенностей международных преступлений как преступлений *erga omnes*. Но насколько значимым и выполнимым на практике является этот критерий в условиях общемировой заинтересованности в том или ином решении суда? Напомним позицию МУС, выраженную в отчетах о событиях на востоке Украины и в Крыму, а также относящиеся к событиям августа 2008 года в Южной Осетии. Неэффективность и односторонность работы МУС отмечаются в заявлении МИД РФ от 16.11.2016 со ссылкой на позицию ГА ООН и СБ ООН. С другой стороны, является ли беспристрастность условием справедливости? Будем ли мы отрицать обоснованность решений, принятых в ходе Нюрнбергского процесса несмотря на то, что он являлся «судом победителей»? Будет ли кто-то отрицать, что МВТ внес ключевой вклад в развитие международной уголовной юстиции[1]?

Во-вторых, постоянный орган международного правосудия имеет заранее согласованный и разработанный устав, в котором закрепляется механизм уголовного преследования, применяемое право, юрисдикция. Однако имеющийся опыт единственного постоянно МУС не столь утешительный. Выработка Устава Суда, начавшаяся с предложения ГА ООН в 1992 году и завершившаяся его вступлением в силу в 2002 году, стала очень длительным и сложным процессом с оставшимися лакунами. Так до 2010 года не было выработано определение «агрессии» как международного преступления, в отношении которого Суд может осуществлять юрисдикцию.

В судах *ad hoc* уставы разрабатываются и принимаются по факту решения создания такого органа, что, с одной стороны, может негативно сказаться на степени их разработанности, а, с другой стороны, выработка определений не является столь длительным

процессом ввиду того, что то или иное действие уже стало причиной создания такого органа. Следовательно, не ведут ли требования постоянного суда относительно принятия и согласования его устава максимальным числом участников мирового сообщества к усложнению процедуры начала его функционирования?

В-третьих, постоянный международный суд должен быть «сильным» органом, то есть обладать широкими полномочиями. Как пример можно привести полномочие прокурора МУС «возбуждать расследование *pro proprio motu*». Однако возникает ли необходимость в сильном прокуроре и в самой концепции «сильного суда» в случае с судами *ad hoc*, право создания которых уже свидетельствует о возможности быстрого реагирования на конкретные события и позволяет учитывать их особенности в силу гибкости такой формы судов? Следовательно, сама концепция постоянного международного суда порождает необходимость создания дополнительных институтов для обеспечения эффективности его работы.

В-четвертых, осуществление международного правосудия должно касаться всех участников мирового сообщества без изъятий. Для эффективного функционирования постоянного органа международной юстиции, его юрисдикцию должно признать максимальное число участников, включающих такие мировые державы, как Россия, США, Китай и др. В противном случае исчезает весь смысл идеи такого суда ввиду невозможности реализации основных его задач[4]. Возникает вопрос относительно судов *ad hoc*: препятствует ли отсутствие широкой субъектной юрисдикции их соответствию заявленному критерию? Вряд ли, поскольку суды *ad hoc* способны привлечь к ответственности преступника в независимости от признания государством их юрисдикции.

Резюмируя все вышесказанное, мы хотели бы поставить вопрос относительно возможности признания эволюционным движением международной уголовной юстиции от судов *ad hoc* к постоянному международному уголовному суду. В центре идеи создания МУС лежал принцип неотвратимости наказания. Суд берется за дело тогда, когда государство само не в состоянии провести полное и объективное расследование. Концепция создания данного органа представляется весьма эффективной, однако ее полная реализация на практике не представляется возможной. Бесспорно, осуществление правосудия в форме судов *ad hoc* отличается большей гибкостью в отношении принятия и согласования устава, а также механизма избрания мер преследования преступников и привлечения их к ответственности. Как следствие, появляется необходимость в создании одновременного существования двух форм судов. Такая необходимость возникает и в силу отсутствия закрепления в качестве международных преступлений некоторых преступных актов, ставящих под угрозу мир и безопасность международного сообщества, таких как международный терроризм. Так, в 2005 году, несмотря на функционирование МУСа, был создан Спецтрибунал по Ливану.

Ввиду вышеприведенного анализа, нам представляется целесообразной модернизация концепции постоянного органа международной юстиции путем создания возможности формирования в рамках такого органа палат *ad hoc*, результатом чего станет гибридная модель суда, сочетающая в себе все лучшее от двух моделей международного уголовного суда.

Источники и литература

- 1) Вылегжанин А.Н., Скуратова А.Ю., Синякин И.И. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса // Современное право. 2017. №1. С. 118-126.
- 2) Гришин А.С. 20 лет Международному трибуналу по бывшей Югославии: итоги деятельности и перспективы международного правосудия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №1. С. 360-364.

- 3) Представитель России - недавние оправдательные приговоры МТБЮ «дискредитируют идею международного уголовного правосудия». // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/12/1214141> (дата обращения: 25.02.2022).
- 4) Фисенко И.В. Постоянный международный уголовный суд // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. №2. С. 5-6.